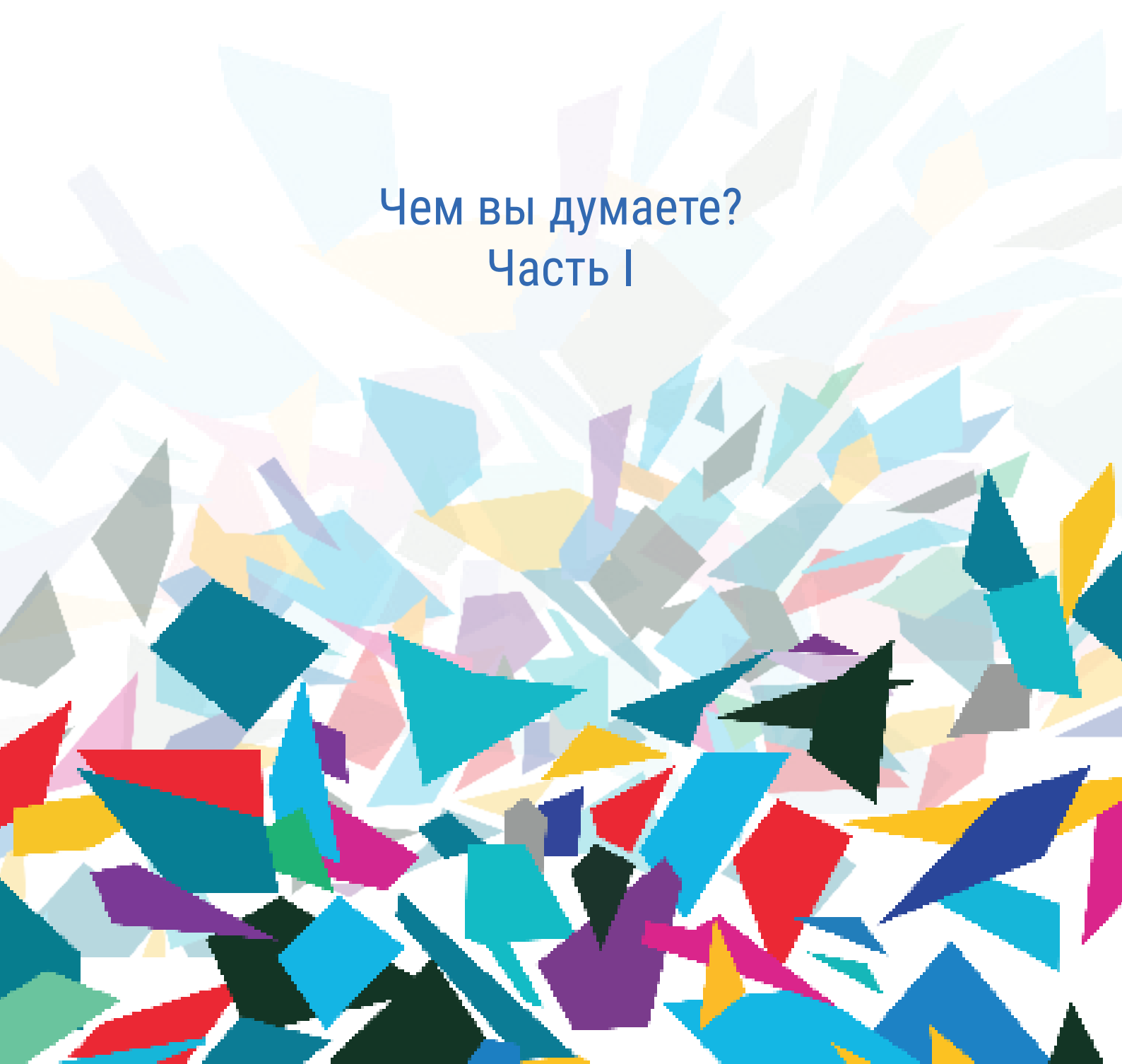

ЯЗЫК КАК ИНСТИНКТ

Чем вы думаете?
Часть I

Мы закончили наш предыдущий разговор вопросом, нужно ли обучать детей языку. Стивен Артур Пинкер и его сторонники предполагают, что дети в этом не нуждаются. Но у нас это вызывает серьезные сомнения. И для этого есть достаточно аргументов, которые уважаемый профессор Массачусетского университета словно заматывает под ковер.

Тем не менее труд Пинкера и его теория о языке как врожденной способности, конечно, заслуживает внимания. Пинкер продолжает отстаивать свою теорию. Естественно необходимым шагом является понимание такого философского вопроса – «Чем мы думаем?». Это вопрос о соотношении языка и мышления, серьезная философская проблема, которая имеет давнюю историю, начиная еще с дискуссий Сократа и Платона. Когда Сократ считал, что мир реален, а язык отражает этот мир в нашем сознании. Платон, как известно, придерживался диаметрально противоположной точки зрения. Он считал, что весь мир не более чем идея. Мир существует только постольку, поскольку Я существую, говорил Платон. А объективный мир не существует, существуют только наши представления об этом мире и от того, какие представления сформированы в нашей голове. Этот спор до сих пор не разрешен. Точка зрения Платона, кстати, получила очень яркое художественное воплощение широко известном фильме «Матрица». Это опредмечивание весьма абстрактной философской идеи Платона о том, что мир есть идея. И меняя наши идеи в этом мире, мы можем изменить сам мир.

Стивен Пинкер называет это мыслекодом. И выступает как популяризатор науки. Ключевой вопрос: как мыслит человек? Мы мыслим словами или чем-то иным? Поэтому тема нашей лекции и называется «Чем вы думаете?». Чем мы думаем? Это действительно серьезный вопрос, не такой простой, как кажется.

Ученые оперируют понятиями, понятия выражены в словах, закреплены в терминах, это безусловно. Но ведь весь мир не состоит из ученых. Их, пожалуй, 1-5% из 7 миллиардов людей на планете. Как думают все остальные? Разве музыканты, художники, литераторы, скульпторы, композиторы, музыканты мыслят словами?

Они не оперируют понятиями, они оперируют образами. Музыкальными образами, литературными образами, изобразительными образами, пространственными образами.

Пинкер сосредотачивается на вопросе соотношения языка и мышления. Эту главу он начинает с романа Джорджа Оруэлла «1984», главный герой этого романа посажен в тюрьму властями за то, что он употреблял неправильные слова. В мире романа английский язык заменен новоязом, новым английским языком. И в этом языке некоторые слова вообще исключены: свобода, братство. А у некоторых слов усечен смысл. «Равенство» означает, что все люди одного роста, одного веса, одного цвета – одинаково пригодны для выполнения каких-то работ. Это, конечно, страшная утопия, но Пинкера интересует, как связано само понятие, сама идея и слово, обозначающее это понятие? Если слово «свобода» существует, то каково его значение? Для нас свобода – это идеал. Это независимость, одно из высших духовных благ, которое по праву от создателя принадлежит человеку. Но ведь у понятия свобода есть и более нейтральное понятие. Свобода прийти на работу, съесть обед, выполнить свою функцию и отправиться домой. А завтра повторить этот цикл. Это тоже свобода. Я – человек поколения, воспитанного в Советском Союзе. Мы все изучали, что, по Марксу, «свобода – это осознанная необходимость».

Хотя точная цитата великого Карла Маркса звучит так: «Свобода – это познанная необходимость». Чувствуете, как меняется смысл, все понятийное пространство? Если вы осознаете все те ограничения, которые накладывает на вас государство, вы свободны. Но Маркс говорил, что вы обретаете свободу, познавая условия существования этого мира. И вот в познанных условиях вы можете обладать свободой выбора.

В коннотациях советской идеологической трактовки эта формула – «Свобода – познанная необходимость» – этой свободы выбора и не было. Поэтому здесь, безусловно, ход мысли Пинкера переключается с нашим. Он нам близок и понятен. Пинкер приводит много убедительных и забавных примеров. Он пишет: «Так неужели мысль зависит от слов? В самом ли деле люди буквально думают на английском языке или языке индейцев чероки? И в 2050 году станут думать на новоязе? Или же нашим думам отведено некое молчаливое мозговое устройство, язык мысли или мыслекод? И они облакаются в слова лишь тогда, когда нам надо донести их до слушателей. Нет более ключевого вопроса для понимания языкового инстинкта». То есть,

вопрос о соотношении языка и мышления – это ключевой вопрос для понимания, что такое язык как инстинкт.

Здесь Пинкер кратко рассказывает об истории вопроса, отсекая и спор Платона с Сократом, и целый ряд других философов. Но это как раз свидетельствует о современной американской реальности, которая порождает множество споров.

Представьте, что некто, какой-нибудь Баримбек Баримбай, совершивший преступление в возрасте 18 лет, и осужденный на 25 лет, выходит на свободу взрослым мужчиной. Восемнадцатилетний Баримбек и сорокатрехлетний Баримбек – это один и тот же человек или разные люди? В США идут серьезные споры о том, что слишком продолжительные сроки социальной изоляции не оправданны, потому что этот человек уже не тот.

Вспомните фильм «Побег из Шоушенка», где друг главного героя подает прошение о помиловании и практически говорит словами Пинкера: «Если вы хотите знать, что я думаю о том мальчишке, который совершил преступление в 18 лет, то я уже давно отношусь к нему, как к совершенно другому человеку».

Этот конфликт правовой конфликт многие в Америке считают следствием того, что совершенно разные личности несут одно и то же имя, зафиксированное в судебном протоколе, хотя это уже совершенно разные люди. Фактически это дискуссия о содержании глагола to be – «быть или не быть».

В этом же потоке мысли многие гендерные противоречия, когда феминистки поднимают вопрос, почему в обезличенных предложениях всегда подразумевают мужской пол. И они добились определенных успехов. Раньше в ходу было слово chairman – «председатель». Сегодня стараются использовать нейтральную форму – chairperson.

Это все дискуссии вокруг так называемого семантического ущерба, который несет в себе язык. В этой части нашей лекции мы должны сказать о гипотезе Сепира-Уорфа. Это гипотеза о лингвистической относительности, которая имеет такую точку зрения, что язык полностью зависит от реальности, то есть лингвистическая обусловленность. Мышление людей обусловлено категориями языка, на котором мы говорим. Такой лингвистический детерминизм.

Есть более мягкая версия этой гипотезы, которая говорит о том, что окружающий мир через язык опосредованно формирует наше мышление. Это общепринятая у нас, по крайней мере, в Казахстане, научная позиция.

Однако Пинкер оспаривает ее довольно искусно. Если не очень убедительно, то весьма занятно. Он говорит, когда мы читаем слова, понимаем смысл. А смысл заключается не в одном слове, а в совокупности слов, в высказывании. Так можем ли мы говорить о том, что наши мысли зависят от слов? Если бы это было так, говорит Пинкер, то как вообще можно было бы создавать новые слова? Как бы появлялись неологизмы, новые понятия? Вот это вопрос, который действительно вызывает интерес.

Пинкер задается вопросом, как ребенок смог бы выучить свое самое первое слово? Как бы существовала возможность перевода с одного языка на другой, если бы слова определяли смысл. Это интересная точка зрения. Ведь мы переводим смыслы, а не слова. Дословный перевод с одного языка на другой совершенно абсурден. Я могу вам привести пример. Как вы дословно переведете с казахского языка фразу «Мен сені аяқ астынан жақсы көріп қалдым»? «Я тебя из-под ноги вдруг хорошо увидел и остался». Но это же абсурд. Хотя тому, кто знает казахский язык, будет ясен смысл «Я в тебя влюбился вдруг».

Поэтому это действительно интересный вопрос – что определяет наше мышление? Слова или все-таки мыслекод, о котором говорит Стивен Пинкер?